

Римский-Корсаков, которого в общем знают, никак не добьется такой чести, чтобы быть может самое блестящее достижение его — «Кощей» — шло бы на подвешках Гельного театра. Конечно, взумительным достижением является и «Град Витреж», который шел в Ленинграде, но он прантлан инстиндизмом. Говоря об истории Большого театра, я назвал несколько опер русских композиторов, возмобавленные которых было бы, по-моему, желательны («Осералда», «Маккавен», «Тушинны» и т. д.).

VI.

Академический театр, однако, не должен превращаться в музей демонстрирования живых мумий прошлого. Такой театр, как Большой, т. е. центральный театр республики, а фактически — Союза, должен иметь другое значение. Жизнь тьваго его к атому.

Большой театр — место самых значительных торжественных заседаний, но, ведь, в самом деле, не одними же своими егенями и позолотой своих дож должен он быть таким торжественным местом республики. Ведь он есть огромное музыкально-вокальное, хореографическое, и декоративно-художественное учреждение. И вот к Большому театру обращаются для того, чтобы он давал праздничные спектакли для съехавшихся со всех сторон нашего огромного социалистического отечества делегатов. Еще чаще возникает потребность дать волнующий, поднимющий, выражающий тот или другой исторический факт, художественный вечер для рабочих и рабочих трудового населения нашей красной Москвы. Вот тут-то основная задача Большого театра. Как много можно создать из таких изумительных элементов, какими обладает Большой театр, на почве народного энтузиазма, на почве героической эпохи в истории человечества, каждую мы сейчас переживаем! Музыка, песни, танцы, солдаты и масса, волшебная сцна декорации, преобразующая сцену по желанию мастера, — все это должно было бы воплотить такие колоссальные, вечные идеи, которые будучи близкими и родными нашей революции, должны бы были, казалось, волновать вместе с тем каждого большого и честного артиста. Борьба за свободу, за счастье всего человечества, за победу над природой, величавые картины прошедших страданий революции, полеты в будущее, — вот часть только мотивов и тем, которые могли бы превратить Большой театр в центральную художественную ось великих народных торжеств;

Для этого и хранит правительство Большой театр, ибо растратив те сокровища, которые в нем накоплены, нельзя уже будет создать таких революционно-художественных праздников, о которых я говорю.

Но почему же этого нет?

Отчасти потому же, почему Большой театр не полностью выполняет и свои академические задания, так что ропшут его артисты, повторяющие без конца несколько надоевших опер ровнот и музика, —

нехватает средств! По и средства нашлись бы, если бы страна поверила, что имеет в лице Большого театра не только живой (полуживой?) музей, но и действительный источник революционной общественной радости, революционно-художественного самосознания. Начать надо, конечно, не с того, чтобы просить денег, а с того, чтобы доказать возможность для Большого театра стать органической частью нашей культуры.

За чем же тут другая, более важная остановка?

За мастером.

Революция еще не родила из своих недр мастера-композитора. Это ведь, пожалуй, самый угонченный плод культуры. Если мы не имеем еще бесспорного драматурга, то тем более, конечно, нельзя было ждать, чтобы явился наш собственный пролетарский оперный творец. Ряды же старых специалистов — музыкантов частью поределл, а частью идут не теми дорогами.

Сейчас, пожалуй, во главе всей европейской музыки стоят Стравинский и Прокофьев, и, конечно, большое упущение, что их произведения не даются в Большом театре. Но то, что они дают, — не то, что нам нужно: это изд буржуазной, интеллигентской гиперкультуры, тонкой, талантливой, интересной, но капризной, сложной и довольно-таки безидейной.

Что же мы должны делать?

Во-первых, терпеть и терпеть. Распризнаться по поводу того, что мы не умеем играть на этой скринке и разбить ее за это, — глупо: лучше поучиться на ней играть. И мы будем учиться; всем народам будем учиться и найдем, выведем, наконец, все оживляющих мастеров-композиторов нашего типа, наших, по своим своим знаменам Вагнеров, наших новых пролетарских Мусоргских.

Во-вторых, надо певчески побудить Большой театр в том направлении, чтобы он обновил, расширил свой русский и заграничный репертуар, чтобы в нем по крайней мере как следует бился пульс старой оперы, ибо новая опера зажжет свой огонь от самых ярких факелов старой оперы.

Большой театр в день его столетия можно поздравить с очень хорошим составом вокальных сил, с хорошим хором, великолепным оркестром, пагерное, замечательнейшей (рядом, может быть, с Лепитрадом) балетной труппой в мире, а которой мощно развертываются молодые таланты. Его можно поздравить с тем, что он физически силен, знающ и достаточно молод. Нусть же, вступаая во второе столетие, он крепко примется за выполнение своей задачи — давать все самое лучшее из прошлого, и при этом самым лучшим образом, и искать, напряженно искать, хотя бы ценою неудач, сеобща — директорам, музыкантам, постановщикам, артистам, рабочим театра, — искать путей к величайшей широкой народной, рабоче-крестьянской опере.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.